

Грозного и на другие исторические лица. Но если наше время всё это может понимать вернее Карамзина, этим оно обязано всё-таки Карамзину же, потому что без его истории мы не имели бы никаких данных для суждений. До сих пор ни одна попытка написать историю России не только не помрачила великого творения Карамзина, но даже и не заслужила чести быть упоминаемой при нем... И мы до тех пор не будем иметь настоящей истории России, пока история Карамзина не перестанет быть читаемой, а ее еще долго-долго будут читать... <...>

Речь о критике,

произнесенная в торжественном собрании императорского Санкт-Петербургского университета марта 25-го дня 1842 года экстраординарным профессором, доктором философии А. Н и к и т е н к о. Санкт-Петербург, 1842

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

<...>

С именем Карамзина соединяется понятие о целом периоде русской литературы, стало быть, от девяностых годов прошлого столетия до двадцатых настоящего. Тридцать пять лет такой блестящей литературной деятельности и около сорока лет такого сильного влияния на русскую литературу, а через нее и на русское общество! И влияние не только литературное, но и, можно сказать, всяческое! <...> ...литературная деятельность Карамзина, явившаяся оппозицией схоластическому направлению русской литературы, данному Ломоносовым, восставила против себя славянофилов⁵⁰, пуристов русского языка. Время и разум решили дело в пользу реформы Карамзина, и Карамзин сделался патриархом русской литературы; под страхом анафемы и отлучения от литературного православия, не позволялось усомниться ни в одной строке, ни в одной букве его сочинений. Но оппозиция шишковистов была ничто в сравнении с тою, которая ожидала Карамзина уже по смерти его. Так называемый романтизм развязал умы, вывел их из узкой и избитой колеи предания, авторитета и общих риторических мест, из которых прежде сплетались венки славы прославленным писателям; новые идеи вторгались отовсюду; литературные и умственные перевороты в Европе, начавшей, по низвер-

жении Наполеона, новую жизнь, отозвались и в нашей литературе. Тогда-то восстали против Карамзина... Но прошло и это время: теперь все понимают, что не Карамзин виноват, если его поклонники приписали ему больше, чем он сделал, видели в нем что-то большее, нежели то, чем он был в самом деле, что вопрос не в том, чего не сделал Карамзин, а <в том, что> он сделал, и что не его была вина, если он рано родился и образовался под влиянием литературных идей прошлого века; теперь у Карамзина нет ни ослепленных друзей, ни ожесточенных врагов — теперь для него настало потомство, беспристрастное, спокойное, уважающее его славное имя, ценящее его заслуги, давшее ему почетное место в истории литературы и общественности. <...>

Русская литература в 1844 году

<...>

... «дикие неистовства» вольнодумной критики⁵¹, так изумившие и раздражившие старое поколение, и вполнину не произвели на него такого страшного, потрясающего впечатления, как начавшиеся потом нападки на Карамзина. Тут вполне обнаружилось воспитанное Карамзиным поколение: в непростительной дерзости новых критиков — судить о Карамзине не по табели о рангах, а по своему смыслу и вкусу, увидело оно покушение на жизнь и честь — не Карамзина (которого честь достаточно обеспечивалась его заслугами), а на жизнь и честь карамзинского поколения. Война была страшная; много было пролито чернил и поломано перьев; сражались и стихами и прозой. Замечательно, впрочем, что эта война началась еще при жизни Карамзина (который не вмешивался в нее) и что первый осмелился заговорить о Карамзине не по преданию и не по авторитету, а по собственному суждению человек старого поколения — профессор Каченовский⁵². Князь Вяземский⁵³ доказывал ему его несправедливость в стихотворном послании, которое было напечатано в «Сыне отечества» (1821) и начиналось так:

Перед судом ума сколь, Каченовский! жалок
Талантов низкий враг, завистливый зоил,
Как оный вечный огонь на алтаре весталок,
Так втайне вечный яд, дар лютый адских сил,
В груди несчастного неугасимо тлеет.
На нем чужой успех, как ноша, тяготеет;
Счастливица свежий лавр — колючий терн ему;